

Илья Муромец и Соловей-Разбойник

Раным-рано выехал Илья из Мурома, и хотелось ему к обеду попасть в стольный Киев-град. Его резвый конь поскакивает чуть пониже облака ходячего, повыше лесу стоячего. И скорым-скоро подъехал богатырь ко городу Чернигову. А под Черниговом стоит вражья сила несметная. Ни пешему проходу, ни конному проезду нет. Вражьи полчища ко крепостным стенам подбираются, помышляют Чернигов полонить-разорить. Подъехал Илья к несметной рати и принялся бить насильников-захватчиков, как траву косить. И мечом, и копьём, и тяжёлой палицей [Палица – боевая дубина.], а конь богатырский топчет врагов. И вскорости прибил, притоптал ту силу вражью, великую.

Отворились ворота в крепостной стене, выходили черниговцы, богатырю низко кланялись и звали его воеводой в Чернигов-град.

– За честь вам, мужики-черниговцы, спасибо, да не с руки мне воеводой сидеть в Чернигове, – отвечал Илья Иванович. – Тороплюсь я в стольный Киев-град. Укажите мне дорогу прямоезжую!

– Избавитель ты наш, славный русский богатырь, заросла, замуравела прямоезжая дорога в Киев-град. Окольным путём теперь ходят пешие и ездят конные. Возле Чёрной Грязи, у реки Смородинки, поселился Соловей-разбойник, Одихмантьев сын. Сидит разбойник на двенадцати дубах. Свищет злодей по-соловьему, кричит по-звериному, и от посвиста соловьего да от крику звериного трава-мурава пожухла вся, лазоревые цветы осыпаются, тёмные леса к земле клонятся, а люди замертво лежат! Не ездь той дорогой, славный богатырь!

Не послушал Илья черниговцев, поехал дорогой прямоезжею. Подъезжает он к речке Смородинке да ко Гязи Чёрной.

Приметил его Соловей-разбойник и стал свистать по-соловьему, закричал по-звериному, зашипел злодей по-змеиному. Пожухла трава, цветы осыпались, деревья к земле приклонились, конь под Ильёй спотыкаться стал. Рассердился богатырь, замахнулся на коня плёткой шелковой.

– Что ты, волчья сыть [Сыть – еда, корм.], травяной мешок, спотыкаться стал? Не слыхал, видно, посвисту соловьего, шипу змеиного да крику звериного?

Сам схватил тугой лук разрывчатый и стрелял в Соловья-разбойника, поранил правый глаз да руку правую чудовища, и упал злодей на землю. Приторочил богатырь разбойника к стремени и повёз Соловья по чисту полю мимо логова Соловьего. Увидали сыновья да дочери, как везут отца, привязана ко стремени, схватили мечи да рогатины, побежали Соловья-разбойника выручать. А Ильи их разметал, раскидал и, не мешкая, стал свой путь продолжать.

Приехал Илья в стольный Киев-град, на широкий двор княжеский. А славный князь Владимир – Красно Солнышко с князьями подколennыми [Подколennый – здесь: подначальный.], с боярами почётными да с богатырями могучими только что садились за обеденный стол.

Илья поставил коня посреди двора, сам вошёл в палату столовую. Он крест клал по-писаному, поклонился на четыре стороны по-учёному, а самому князю великому во особицу.

Стал князь Владимир выпрашивать:

– Ты откуда, добрый молодец, как тебя по имени зовут, величают по отчеству?

– Я из города Мурома, из пригородного села Карачарова, Илья Муромец.

— Давно ли, добрый молодец, ты выехал из Мурома?

– Рано утром выехал из Мурома, отвечал Илья, – хотел было к обедне поспеть в Киев-град, да в дороге, в пути призамешкался. А ехал я дорогой прямоезжею мимо города Чернигова, мимо речки Смородинки да Чёрной Гязи.

Насупился князь, нахмурился, глянул недобро:

– Ты, мужик-деревенщина, в глаза над нами насмехаешься! Под Черниговом стоит вражья рать – сила несметная, и ни пешему, ни конному там ни проходу, ни проезду нет. А от Чернигова до Киева прямоезжая дорога давно заросла, замуранела. Возле речки Смородинки да Чёрной Гязи сидит на двенадцати дубах разбойник Соловей, Одихмантьев сын, и не пропускает ни пешего, ни конного. Там и птице-соколу не пролететь!

Отвечает на те слова Ильи Муромец:

Под Черниговом вражье войско всё побито-повоёвано лежит, а Соловей-разбойник на твоём дворе пораненный, к стремени притороченный.

Из-за стола князь Владимир выскочил, накинул кунью шубу на одно плечо, шапку соболью на одно ухо и выбежал на красное крыльцо. Увидел Соловья-разбойника, к стремени притороченного:

– Засвищи-ка, Соловей, по-соловьему, закричи-ка, собака, по-звериному, зашипипи, разбойник, по-змеиному!

– Не ты меня, князь, полонил, победил. Победил, полонил меня Илья Муромец. И никого, кроме него, я не слушаюсь.

– Прикажи, Илья Муромец, – говорит князь Владимир. – засвистать, закричать, зашипеть Соловью!

Приказал Илья Муромец:

– Засвищи-ка, Соловей, во полсвисту соловьего, закричи во полкрика звериного, зашипипи во полшипа змеиного!

– От раны кровавой. – Соловей говорит, – мой рот пересох. Ты вели налить мне чару зелена вина, не малую чару – в полтора ведра, и тогда я потешу князи Владимира.

Поднесли Соловью-разбойнику чару зелена вина. Принимал злодей чару одной рукой, выпивал чару за единый дух. После того засвистал в полный свист по-соловьему, закричал в полный крик по-звериному, зашипел в полный шип по-змеиному. Тут маковки на теремах покривились, а околенки [Околенки – оконная рама, оконный переплёт.] в теремах рассыпались, все люди, кто был на дворе, замертво лежат. Владимир-князь стольно-киевский куньей шубой укрывается да окарачь [Окарачь – на четвереньках.] ползёт.

Рассердился Илья Муромец. Он сажился на добра коня, вывез Соловья-разбойника во чисто поле:

– Тебе полно, злодей, людей губить! – И отрубил Соловью буйну голову.

Столько Соловей-разбойник и на свете жил. На том сказ и окончился.